

Над темой номера
работала

Китайская миграция в Казахстане^[1]

Елена
САДОВСКАЯ^[2]

Исторические предпосылки миграции

Современный Китай занимает особое место в системе международных отношений благодаря своей растущей экономической мощи и геополитическому влиянию. Экономическая экспансия Китая осуществляется во многих странах мира, на всех континентах, и неудивительно, что его экономическое присутствие в географически близкой Республике Казахстан и Центральной Азии постоянно растет.

Еще 25 лет назад картина была совсем иная. Страны Содружества независимых государств и Китайская Народная Республика принадлежали к различным миграционным системам и не имели активного миграционного обмена. Массовая миграция в Китай началась в 1990-е годы с торговцев («челноков») на Дальнем Востоке Российской Федерации и в восточных областях Казахстана, приграничных с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР) КНР. К настоящему времени эта миграция стала довольно устойчивой тенденцией, которая постоянно укрепляется в контексте активно развивающегося торгового и экономического сотрудничества двух стран. Кроме того, три республики Центральной Азии, наряду с Россией, имеют протяженные совместные границы с Китаем: Казахстан (1782 км), Киргизия (858 км) и Таджикистан (414 км), и в условиях географической близости и политической открытости это способствует движению капитала, товаров и людей.

Современная миграция из Китая в Казахстан обусловлена сложной совокупностью причин и факторов в стране исхода и достижения: экономических (включая положение на рынке труда), исторических, географических, политико-правовых, социально- и этнодемографических, этнокультурных. Они определяют основные векторы миграционных движений между двумя странами, общие закономерности и особенности.

После распада Советского Союза геэкономический и геополитический интерес Китая к Центральной Азии усилился. Политическое сближение двух стран началось в декабре 1991 года: Китай одним из первых признал суверенитет республики, а 3 января 1992 года Республика Казахстан и КНР официально установили дипломатические отношения на уровне послов, подписав в Алматы соответствующее совместное коммюнике.

Каждый последующий год дипломатические контакты интенсифицировались, налаживалось сотрудничество в экономической и торговой области, в сфере визового режима, пограничного и таможенного контроля и т.д. После решения пограничных вопросов, в 2002 году между Казахстаном и Китаем был подписан и ратифицирован Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. После подписания ряда двусторонних договоров и принятия совместных документов об установлении и развитии стратегического партнерства в 2005 году, была создана солидная международно-правовая база и обе страны вышли на новый уровень «всестороннего

стратегического партнерства». Это статус, который среди постсоветских стран имеют с КНР только Россия и Казахстан.

С 1992 по 2014 годы Казахстан и Китай подписали около 200 двусторонних соглашений в сфере торгово-экономического, энергетического, финансового, военного сотрудничества, визового режима и гражданства, образовательного и культурного обмена и т.д., которые способствуют интенсивному экономическому и гуманитарному сотрудничеству, развитию региональной и приграничной торговли, миграционному обмену.

Ведущую роль в продвижении всего спектра казахстанско-китайских отношений на современном этапе играет экономическое сотрудничество в области энергоресурсов, торговли и транспорта. Новейшим фактором активизации сотрудничества стала инициатива Китая, высказанная Председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 года в Астане. Это проект создания «экономического пояса» Шелкового пути, который направлен на развитие транспортной (железнодорожной) системы государств Евразии, их более тесное взаимодействие и интеграцию.

Строительство крупных инфраструктурных объектов в Казахстане и регионе сопровождается привлечением рабочей силы из КНР, развитием китайского бизнеса, трансграничными перемещениями граждан. Миграции не только экономически, но и политически и исторически обусловлены. Именно исторический фактор определяет наличие в Китае крупнейшей казахской диаспоры и ее репатриацию в Казахстан в рамках политики возвращения этнических казахов на историческую родину, которая вот уже 25 лет является основным направлением государственной миграционной политики Республики Казахстан.

Казахская диаспора в Китае сформировалась на протяжении многовековой истории на границах Цинской империи/Китая и Российской империи/Советского Союза. После присоединения казахских жузов (родов) к Российской империи в XVIII-XIX веках и государственного территориального размежевания России с Цинской империей в 1860-1881 годах, часть казахского кочевья оказалась на территории современного Синьцзяна, но продолжала кочевать к традиционным пастбищам на российской территории, сохраняя связи с соплеменниками. На протяжении XX века, в результате различных «волн» миграции, порожденных Первой мировой и гражданской войнами, насильственной коллективизацией и сталинскими репрессиями в 1930-1950-е годы, сотни тысяч казахов откочевали за границу, в том числе в соседний Синьцзян.

В результате вековых миграций казахская диаспора в Китае в настоящее время насчитывает 1,5 млн человек и сконцентрирована в приграничном с Казахстаном Синьцзяне, где она составляет 7% всего населения района. Автохтонное население Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) – уйгуры, их 10 млн, или 46,4% населения; этнические китайцы (ханьцы) насчитывают 8,4 млн человек или 39,0%. В составе населения также хуэйцзу (дунгане) (4,5%); киргизы (0,9%), другие этнические меньшинства (монголы, таджики, сибо, маньчжуры, узбеки и другие) составляют 2,2% населения СУАР (2009)[3].

Так сложился смешанный этнический состав по обе стороны границы, но благоприятствующие миграции факторы включают не только сходство этнического состава, но и языка (тюркского), религии (ислама), традиционного уклада жизни, исторических традиций торговли и сотрудничества на Великом Шелковом пути. Полиэтнический состав приграничных районов двух стран способствует развитию моделей миграционных движений, при которых территории проживания диаспоры в странах достижения становятся ареалами приема мигрантов, и, используя «мигрантские» и «социальные сети», стимулируют трансграничные миграции, приграничную торговлю, способствуют развитию малого бизнеса.

Таким образом, с одной стороны, международная миграция из КНР в Казахстан – это вполне закономерный для глобализирующегося мира процесс[4]. С другой стороны, он имеет свои

специфические особенности в стране и регионе, которые сложились вследствие исторического развития двух стран, географического положения и схожего этнодемографического состава.

Важнейшей особенностью миграций в Казахстан является этническое многообразие потоков. Можно сказать, что «китайская миграция» в Казахстан не является собственно «китайской», в том смысле, что в составе потоков этнические китайцы (ханьцы) не составляют большинства. Ее правильнее называть «миграцией из Китая», потому что ее состав **многонационален и представлен ханьцами, казахами, уйгурами, дунганями, корейцами, узбеками и представителями других национальностей.**

Важная характеристика миграции из Китая состоит в том, что она не только этнически дифференцирована, но и **все виды миграций из КНР имеют свою специфическую этническую структуру.** Например, трудовая иммиграция представлена ханьцами, а бизнес-миграция – преимущественно ханьцами, уйгурами, казахами, дунганями. Наиболее распространенная торговая миграция является самой интернациональной по составу: из Китая в Казахстан едут торговать ханьцы, уйгуры, казахи, дунгане, а из Казахстана – русские, казахи, уйгуры, дунгане, украинцы, корейцы. На постоянное место жительства из Китая в РК переселяются в основном этнические казахи (оралманы), а беженцы из Синьцзяна – это уйгуры. У каждой группы мигрантов существует своя специфика расселения, особенности трудовых и бизнес практик, стратегии адаптации.

Еще одна особенность заключается в том, что некоторые виды миграций, причем наиболее крупные по объему, имеют устойчиво **двусторонний характер**, например, торговая и образовательная миграция. Как будет показано ниже, образовательная миграция из Казахстана в Китай в последние годы в несколько раз превосходила миграцию студентов из КНР в Казахстан. Появился и новый миграционный тренд – выезд на постоянное место жительства в КНР. В Казахстане это направление представлено возвратной миграцией казахских репатриантов в КНР, и в незначительной мере – миграцией на постоянное место жительства в соседний Синьцзян.

Поступательный рост миграции из Китая

В настоящее время между Китаем и Казахстаном, другими республиками Центральной Азии наблюдаются все основные типы миграционных перемещений: постоянные и временные, законные и незаконные, добровольные и вынужденные, экономическая и социально-культурная миграция (в частности, образовательная) и другие. Наиболее распространена экономически мотивированная миграция: трудовая, торговая и бизнес-миграция.

Не все виды миграции распространены одинаково, они имеют разную историю и динамику. За последние 10-15 лет сформировались и некоторые общие характеристики миграции: относительно быстрый рост объемов миграции; диверсификация видов; полиэтничный состав потоков, увеличение роли диаспор и мигрантских сетей в развитии миграции и бизнеса; увеличение трудовой и бизнес-миграции в Китай и др.

Динамика и общие характеристики трудовой миграции из Китая, соотносятся с этапами развития казахстанско-китайского торгового и экономического сотрудничества. С конца 1980-х это была преимущественно торговая миграция, а с конца 1990-х, и особенно с 2004 года, по мере укрепления сотрудничества, китайская иммиграция в республику стала быстро увеличиваться, распространился китайский бизнес. Увеличение миграции сопровождало растущее присутствие КНР в таких секторах экономики как энергетика, транспорт, банковский и другие сферы услуг, а ныне – сельское хозяйство и туризм.

Особенностью двусторонних миграций являлась большая доля мелких торговых мигрантов, челночников и индивидуальных предпринимателей. Этот феномен характерен для постсоветских стран, некоторых стран Восточной Европы, Турции и Китая, и возник как форма самодетальности

населения в ответ на экономический кризис 1990-х годов, когда в условиях массовой безработицы население стало зарабатывать средства к существованию за счет покупки за рубежом и перепродажи на родине товаров повседневного спроса.

Важной характеристикой трансграничных пересечений (как и в целом китайско-казахстанских торговых и экономических отношений) является то, что они происходят не между Казахстаном и Китаем в целом, а преимущественно между Казахстаном и приграничным Синьцзян-Уйгурским автономным районом, что способствует регионализации торгово-экономических отношений и миграционного обмена между ними.

Одним из наиболее чувствительных вопросов публичного дискурса в отношении китайской миграции является число мигрантов из КНР и опасения по поводу «нашествия китайцев» и «китаизации Казахстана». В Казахстане пока нет точного и сопоставимого статистического учета всех категорий китайских граждан, прибывающих и находящихся в стране, а данные различных ведомств порой имеют значительные расхождения. Согласно статистике Пограничной службы Казахстана, число пересечений казахстанско-китайской границы за последние 10 лет увеличилось в десятки раз. Иную оценку дает статистика Министерства внутренних дел на основе данных о регистрации мигрантов. Регистрация в органах МВД обязательна для всех иностранцев в течение пяти дней (исключение – граждане стран ЕАЭС), что позволяет определить и количественные рамки пребывания граждан КНР в Казахстане. И те, и другие оценки свидетельствуют о росте китайской миграции в Казахстан, но количественно они очень разнятся (рис. 1).

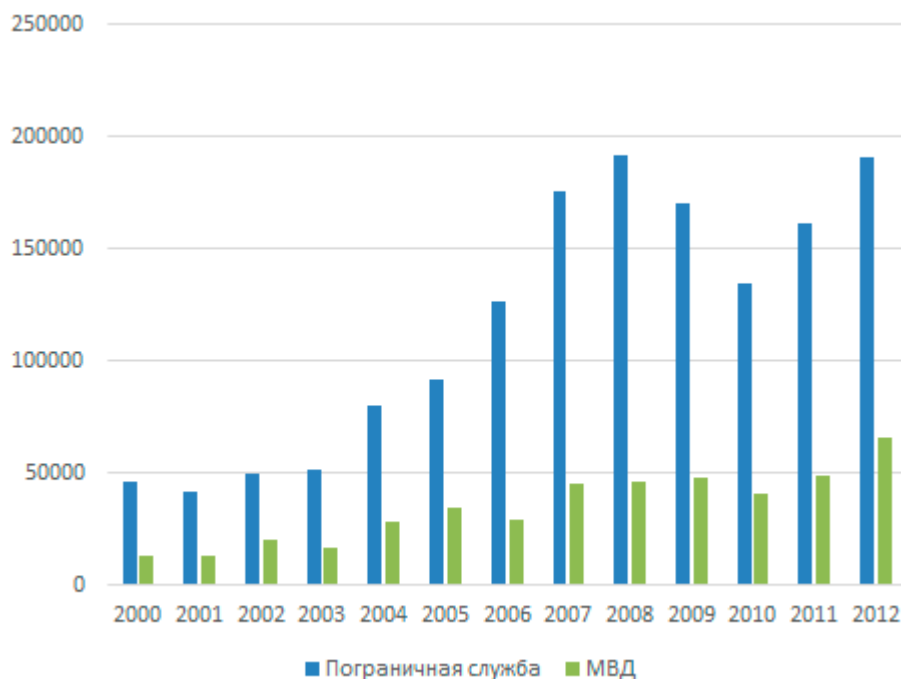

Рисунок 1. Число иностранных граждан, въехавших в Казахстан из Китая через пункты пропуска Пограничной службы Казахстана, и число зарегистрированных в органах МВД

Разную, хотя, в основном, взаимно не противоречащую информацию дают два указанных источника и о целях миграции (табл. 1 и 2, рис. 2 и 3).

Таблица 1. Число иностранных граждан, въехавших в Казахстан из Китая через пункты пропуска Пограничной службы Казахстана в 2000–2012 годах, по целям прибытия, человек

Год	Всего	в том числе по целям поездок					
		Служебная	Туризм	Частная	ПМЖ	Персонал транспортных средств	Транзит
2000	46006	14834	229	9087	586	12096	9174
2001	41368	11289	1143	15930	252	12331	523
2002	49480	27668	2349	8407	1174	9226	656
2003	51582	21052	1681	18130	1633	8861	225
2004	79594	42057	2922	19759	2788	11013	1055
2005	91494	37707	2923	29567	5798	15166	333
2006	126832	36305	2903	54661	9553	23107	303
2007	175926	38351	2826	95528	4173	34807	241
2008	191223	39627	1368	113059	978	36025	166
2009	169980	32608	1174	100329	114	35615	140
2010	134923	28939	4203	75371	1062	25231	117
2011	161132	33786	3271	90037	3229	29591	1218
2012	190633	34181	2806	117171	1871	34536	68

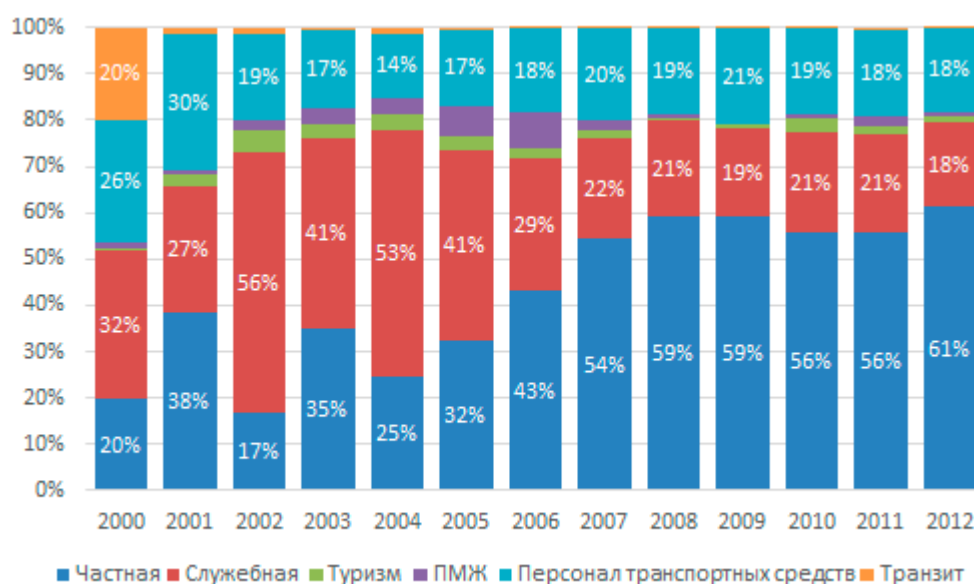

Рисунок 2. Распределение иностранных граждан, въехавших в Казахстан из Китая через пункты пропуска Пограничной службы Казахстана в 2000–2012 годах, по целям прибытия

Таблица 2. Число граждан Китая, зарегистрированных в органах МВД Республики Казахстан в 2000–2012 годах, по целям прибытия, человек

Год	Зарегистрировано	Из них:				Административные нарушения	Выдворено
		В служебных целях	В целях работы	В частных целях	Туризм		
2000	13328	11233	131	1305	659	5221	430
2001	13415	9064	1224	2476	651	1198	203
2002	20243	13945	984	4344	970	661	159
2003	16974	9772	916	6016	270	363	151
2004	28558	16179	890	10860	629	1429	191
2005	34108	12755	2604	17108	1641	3881	531
2006	29183	7056	2513	19168	446	3587	866
2007	45570	11249	4720	29246	355	4715	553
2008	46307	14005	5593	26235	474	5998	666
2009	48285	12444	5027	30226	588	3836*	151*
2010	41092	14036	6408	18666	1982	8905	578
2011	48306	16935	6934	22524	1913	5485	258
2012	65284	16733	5841	41111	1599	3097	49

* За январь-июнь 2009 года

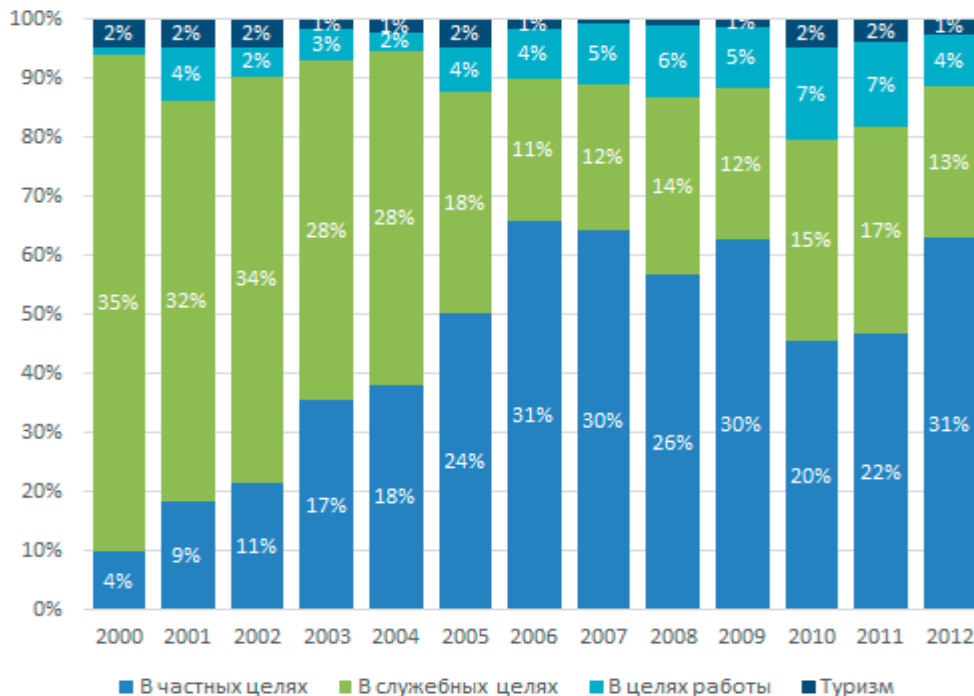

Рисунок 3. Распределение граждан Китая, зарегистрированных в органах МВД Республики Казахстан в 2000–2012 годах, по целям прибытия

Важно отметить, что данные Пограничной службы о пересечении границ и данные МВД о регистрации граждан *не являются собственно статистикой о мигрантах*, потому что некоторые категории граждан (дипломатический и консульский персонал; артисты, журналисты и др. вообще не относятся к категории иммигрантов). Обслуживающий персонал транспортных средств (железнодорожного, авиа и т.д.) не относится к мигрантам, хотя фиксируется в статистике пересечений государственной границы; прибывшие с частной или служебной целью могут ограничиться кратким визитом и не тоже должны относиться к мигрантам.

Тем не менее использование официальной статистики чрезвычайно важно, чтобы на ее основе делать структурированный анализ и оценку потоков, в частности, законной и нерегулируемой трудовой, а также торговой миграции. Как известно, многие торговые и трудовые мигранты при пересечении границы указывают, что прибыли с «частным» визитом или «с целью туризма».

Так, в 2007-2012 годах в Казахстан, в среднем, ежегодно пребывало около 50 тысяч граждан КНР, большинство из них временно. По данным МВД, в 2013 году в стране пребывало 70,5 тысячи граждан Китая, а за 9 месяцев 2014 года – 73,8 тысячи человек, большинство – с «частными целями». Если учитывать основные характеристики миграции из Китая – ее численность, полиэтнический состав, этническую дифференциацию каждого вида миграции, преобладание этнических казахов среди пересекающих границы в обоих направлениях, краткосрочность торговых «визитов» – то китайская миграция перестает быть объектом беспочвенных страхов или целенаправленных спекуляций. Она предстает как довольно традиционный миграционный поток, приносящий с собой определенные проблемы, которые требуют своего регулирования.

До 2004 года в Казахстан прибывало больше граждан КНР, чем в обратном направлении. В 2004 году количество выезжающих из Казахстана в Китай впервые превысило аналогичный показатель для Китая и в последующие годы в два-три раза превосходило его. Например, в 2010 и 2011 годы из Китая в Казахстан прибыло, соответственно, 134,9 тыс. и 161,1 тыс. человек (табл. 1), при этом выезд из Казахстана в КНР, который в 2000 году составлял 43,8 тыс., в 2001 году – 15,8 тыс. человек, в 2010 и 2011 годах вырос, соответственно, до 366 тыс. и 503,7 тыс., превышение выезда над въездом в 2010 году составило 2,7 раза, а в 2011 году – 3,1 раза^[5].

Значительное превышение выезда над въездом вызвано двумя основными причинами. Первая – большое число этнических казахов (оралманов) из Китая, прибывших в рамках государственной политики репатриации: по данным МВД РК, на 1 октября 2014 года из КНР прибыло около 92,3 тыс. казахских репатриантов^[6]. Казахские репатрианты поддерживают активные контакты с родственниками в Синьцзяне на западе Китая и составляют наибольшую долю граждан, которая пересекает границы РК в обоих направлениях. Именно с этой категорией граждан связано основное отличие китайско-казахстанской миграции: в составе мигрантов из КНР в другие страны преобладают этнические китайцы (ханьцы), а в Китай – граждане посылающих государств.

Второй причиной превышения общего числа выезжающих в Китай является политика открытости КНР, которая поощряет создание на контрольно-пропускных пунктах (КПП) китайско-казахстанской границы специально организованных торговых зон с однодневным безвизовым режимом. На этих КПП казахстанские граждане имеют право пересечь границу Китая без визы и в течение дня (или нескольких часов) закупить товары. Эти краткосрочные торговые «рейды» также фиксируются пограничной статистикой и повышают общее число пересечений.

Трудовых мигрантов из Китая пока не много, но...

Привлечение китайских работников осуществляется в рамках государственной политики Казахстана по привлечению иностранной рабочей силы (ИРС). Оно началось в 1990-е годы, когда в переходный период к рыночной экономике стране требовались высококвалифицированные специалисты и менеджеры для работы в новых сферах экономики и управления. Привлечение ИРС возросло в период экономического оживления 2000-х годов, когда, вследствие «утечки

мозгов» в 1990-е, сформировался дефицит квалифицированных кадров в промышленности, сфере науки, образования, здравоохранения и др.

Другая острая проблема рынка труда Казахстана – снижение качества высшего технического профессионального образования и развал системы среднего профессионально-технического обучения, что приводит к острой нехватке инженерных кадров и квалифицированных рабочих. Поэтому дефицит кадров и недостаточный уровень подготовки выпускников вузов и профтехучилищ приводит к необходимости привлекать иностранных, в частности, китайских, специалистов и рабочих для реализации совместных казахстанско-китайских проектов. В силу объективных причин эта практика набора работников из Китая и других стран будет продолжаться.

В целях защиты внутреннего рынка труда в республике разработан механизм ежегодных квот для иностранных работников. В 1990-е и в начале нулевых квота составляла 0,15% от экономически активного населения страны, т.е. около 10-11 тыс. человек. С 2004 по 2008 год эта квота ежегодно увеличивалась, достигнув максимума в 1,6% от экономически активного населения в 2008 году, однако после кризиса 2008-2009 годов Правительство приняло решение об уменьшении квоты. В последующие годы реальное число привлекаемых работников постоянно сокращалось, увеличившись лишь в 2014 году.

Хотя доля официально привлекаемых иностранных (включая китайских) работников по квоте постоянно сокращалась в годы кризиса, общее их число вряд ли уменьшилось, потому что в течение 10 лет расширялся список востребованных специалистов и других категорий граждан, например, оралманов, которые имеют право въехать в Казахстан и работать вне квоты.

Трудовая миграция из Китая нарастала по мере развития казахстанско-китайского торгового и экономического сотрудничества двух стран. Можно выделить несколько этапов, связав их с отраслями экономики, в которые приходили китайские мигранты:

- торговля (с конца 1980-х, на протяжении 1990-х годов и по настоящее время);
- малый бизнес (китайский и совместный казахстанско-китайский), в т.ч. в производственной сфере;
- энергетика (с конца 1990-х - начала 2000-х годов);
- строительство (с 2004-2005 годов);
- транспорт (с середины нулевых и имеет все перспективы к дальнейшему развитию);
- ресторанный, медицинский, туристический и другие виды бизнеса (с середины нулевых);
- коммуникационный и банковский сектор – два последних направления стартовали в различный период, но активизировались в последние годы);
- сельскохозяйственный сектор (с 2014 года).

В 2000-е годы начался новый этап официального привлечения рабочей силы из Китая: менеджеров в руководстве китайских компаний и совместных предприятий (СП); специалистов-инженеров и рабочих для сооружения или эксплуатации производственных объектов. Сегодня в Казахстане работают и высококвалифицированные специалисты из Китая: менеджеры, инженеры, экономисты, врачи, переводчики, и рабочие различных специализаций и квалификаций. Рабочая сила на китайских и совместных предприятиях представлена преимущественно ханьцами.

В 1993 году, когда началось привлечение иностранной рабочей силы, в Казахстан прибыло около 2,1 тысячи работников, из них 559 человек – из Китая. В 1990-е годы численность привлекаемой ИРС была умеренной, большую ее часть представляли граждане стран, не входивших в СНГ, но доля китайской рабочей силы была среди них незначительной. С 2004-2005 годов численность привлекаемой ИРС начала быстро увеличиваться, равно как и доля китайских работников (рис. 4). По официальным данным, в 2007 году численность ИРС составила 58810 человек, из которой из Китая – 8095 человек, или 13%.

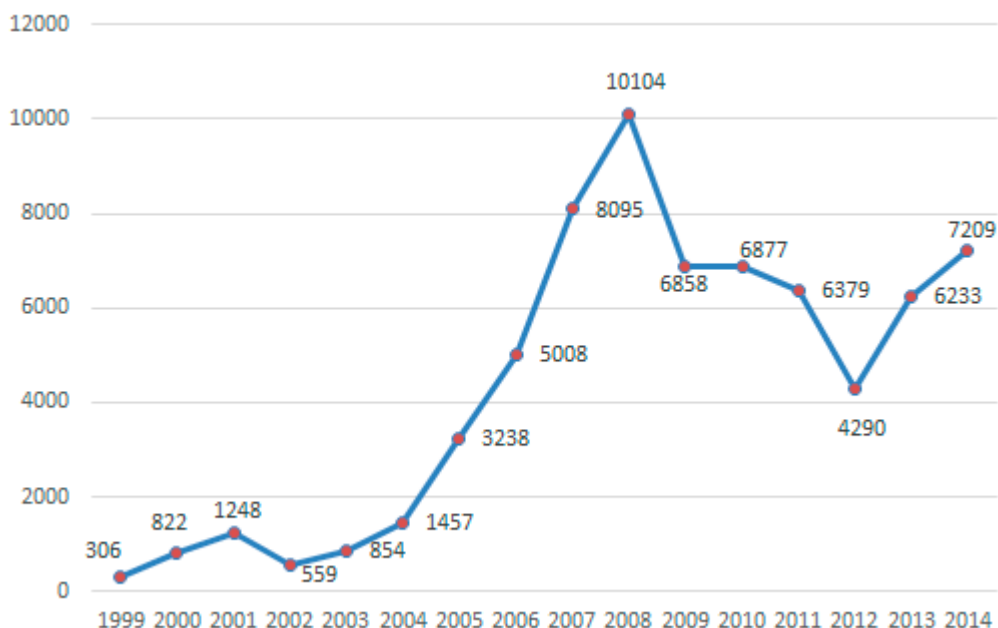

Рисунок 4. Привлечение китайской рабочей силы в Казахстан в 1999–2014 годах* (человек)

Источник: Сведения по ввозу иностранной рабочей силы в Республику Казахстан за 1999-2012 гг. По данным Министерства труда и социальной защиты РК, архивные данные и текущая статистика, 2013; Рассчитано на основе: Информация о привлеченной иностранной рабочей силе, за 2013-2014 гг. Министерства здравоохранения и труда и социального развития РК. Ист.: <http://www.mzsr.gov.kz> (Доступ 30 января 2015).

* На 1 сентября 2014 г.

В 2008 году, несмотря на мировой экономический кризис и общее сокращение ИРС, число квотированных специалистов и рабочих из Китая возросло на 20% и составило 10104 человека, или 22% от всей ИРС, и это было максимальное число ежегодно привлекаемых китайских работников.

В течение 16 лет большинство привлеченных работников было из Турции, их доля составляла от трети до половины. В 2010 году, несмотря на общее сокращение, на первое место вышел Китай (23,6%, или 6877 человек), что связано со строительством производственных объектов в областях. С тех пор в течение пяти лет доля работников из Китая ежегодно составляла около четверти от всей привлеченной ИРС, за исключением 2012 года (19,5%). Указанная статистика не включает тех, кто имеет право въехать и работать вне квоты по наиболее востребованным специальностям или по приоритетным проектам.

Несмотря на то, что доля китайских работников в ИРС в последние годы повысилась, она составляет сотые доли процентов к общему числу занятых в республике и не оказывает серьезного влияния на состояние рынка труда ни в отраслевом, ни в региональном разрезе. В большинстве областей ИРС составляет десятые или даже сотые доли от местного занятого населения. Иностранцы работники заполняют те ниши на рынке труда, где на областном или отраслевом уровне существует дефицит работников.

Основные **отрасли**, в которых заняты китайские специалисты и рабочие, это горнодобывающая (нефтегазовый сектор), строительство, коммуникации, медицинское обслуживание, туризм, банковский сектор и потенциально – сельское хозяйство. Все популярнее становятся китайская народная медицина: растет число медицинских и оздоровительных центров, практикующих древнекитайские и древнетибетские методы лечения.

Региональная структура занятости китайских работников диверсифицируется. Если в 1990-е годы они были заняты преимущественно в г. Алматы, Алматинской и Актюбинской областях, то в 2000-е годы это включило север и запад страны: Актюбинскую, Атыраускую, Мангыстаускую области и, конечно же, г. Астану.

Бывшая столица Казахстана Алматы (наряду с нынешней столицей Астаной) остается одним из наиболее привлекательных городов для китайских предпринимателей и наемных работников, благодаря более высокой оплате труда и высокому уровню жизни, развитой транспортной, социальной, рекреационной инфраструктуре, коммуникационным возможностям, уровню сервиса. Несмотря на социальные контрасты города, значительная прослойка среднего класса сохраняет высокий спрос на товары и услуги, что открывает возможности для развития китайского бизнеса. Город наиболее разнообразен с точки зрения секторов занятости граждан Китая, как этнических китайцев, так и этнических казахов, сохранивших гражданство КНР.

Сегодня китайские специалисты и рабочие заняты почти во всех регионах Казахстана. Они возводят (или реконструируют) промышленные объекты: нефте- и газопроводы и сопутствующую инфраструктуру, заводы и электростанции, например, второй участок газопровода Бейнеу–Бозой–Шымкент; Атырауский и Шымкентский нефтеперерабатывающие и Жанажольский газоперерабатывающий заводы, Павлодарский электролизный завод, Актауский завод пластических масс, Мойнакскую гидроэлектростанцию и другие объекты.

Проблемы трудовой миграции из Китая и их регулирование. Как показывает практика привлечения в Казахстан иностранной рабочей силы, наряду с официально привлекаемой (квотированной) рабочей силой, как правило, параллельно существует «неофициальная» (нерегулируемая) иммиграция. Миграция из Китая здесь – не исключение. Модель развития «неофициального» трудоустройства следующая. Отдельные фирмы в Казахстане приглашают китайских специалистов с деловыми целями (участие в переговорах, проверка условий безопасности труда, монтаж оборудования, проведение консультаций и т.д.). По прибытии в Казахстан граждане Китая регистрируются в миграционной полиции МВД РК и после этого имеют право на пребывание в республике в течение 30 суток с возможностью продления до 60 дней в течение 180 суток^[7]. В это время они работают в китайских и совместных нефтяных, строительных и других компаниях.

Чтобы в дальнейшем возобновить визу, китайские работники, как правило, не возвращаются на родину, а выезжают в г. Бишкек, столицу соседнего Кыргызстана, который многие годы имел безвизовый режим с Китаем. Бишкек находится всего в 3-4 часах езды от Алматы, китайские и другие иностранные граждане получают новую визу в казахстанском посольстве и возвращаются в Казахстан. В других случаях китайские работники выезжают из Казахстана, их сменяет следующая группа, и так происходит в течение года на постоянной «ротационной» основе. Многие работают не по той специальности, по которой оформлено приглашение.

В 2011 и 2012 годах число официально привлекаемых специалистов и рабочих из Китая по квоте составило, соответственно, 6379 и 4290 человек. В то же время, по данным Погранслужбы КНБ РК, из Китая в Казахстан прибыли, соответственно, 161,1 тысячи и 190,6 тысячи человек. Помимо других категорий граждан Китая, законно прибывших в Казахстан с частными, служебными, туристическими и другими целями, определенную долю составляют трудовые мигранты, нарушающие трудовое и миграционное законодательство РК.

Кроме того, начиная с 2000 года, когда увеличилось привлечение иностранной рабочей силы в Казахстан, в стране произошло несколько трудовых конфликтов этнического характера (в основном на турецких предприятиях), некоторые из них – открытые и насильственные^[8]. Конфликты имели локальный характер и пока коснулись только иностранных работников из стран, не входящих в СНГ. Первый открытый и, к счастью, ненасильственный конфликт с китайскими рабочими был отмечен в 2006 году. Трудовой конфликт произошел между казахстанскими рабочими и китайскими работодателями из Китайской нефтяной инженерно-строительной группы (КНИСГ) по поводу условий и оплаты труда на строительстве Жанажольского газоперерабатывающего завода в Актюбинской области^[9]. В данном случае все закончилось разбирательством дела между профсоюзом рабочих и администрацией КНИСГ в городском суде г. Актюбе (Актюбинске).

Не все конфликты между иностранными работодателями и казахстанскими работниками заканчивались судебным решением. Так, в сентябре 2010 года в Байганинском районе Актюбинской области на нефтегазовом месторождении Северная Трува, которое разрабатывает казахстанско-китайское совместное предприятие «СNPC-Актюбемунгаз», произошли локальные столкновения между казахстанскими и китайскими рабочими. Охранники предприятия применили оружие, чтобы прекратить конфликт. По сообщению СМИ, Байганинский РОВД возбудил уголовное дело по статье «Хулиганство» и начал расследование конфликта^[10]. Еще одна драка между казахстанскими и китайскими рабочими произошла в ноябре 2013 года в Атырау^[11].

Среди других нарушений трудового и миграционного законодательства со стороны китайских граждан: превышение срока пребывания сверх указанного в визах, несоответствие целей прибытия и реальной занятости, нарушение правил пребывания, работа не в том регионе и не на том предприятии, куда дано разрешение и другие. Имеются случаи использования поддельных дипломов. Как сообщили представители областной прокуратуры Атырауской области, в марте 2013 года было выявлено 10 высокооплачиваемых специалистов из Китая с поддельными дипломами. Все они были сотрудниками двух крупных компаний и занимались сооружением комплексов по глубокой переработке нефти и производству ароматических углеводородов на Атырауском заводе^[12]. Генеральная прокуратура, КНБ РК совместно с другими государственными органами регулярно проводят мониторинг выполнения законодательства по привлечению иностранных работников.

Что касается перспектив трудовой иммиграции из КНР, то здесь прослеживаются разноречивые тенденции. С одной стороны, увеличению китайской иммиграции могут способствовать современные мегапроекты, например, строительство транзитной железной дороги через Казахстан в Европу. Создание свободных экономических зон, в частности в районе Международного торгового центра в приграничном Хоргосе, создание приграничных городов и других объектов на территории КНР, введение безвизового режима и тому подобное может стимулировать в ближайшие годы возрастающий поток трудовых (и не только) мигрантов из Китая.

Роль экономического фактора в развитии миграций будет возрастать, так как все три направления, по которым сегодня налажено сотрудничество между Казахстаном и СУАР/КНР, имеют приоритетное значение и в перспективе: поставка энергоресурсов (прокладка нефте- и газопровода и строительство инфраструктуры), транспорт и коммуникации, внешняя торговля. Синьцзян, его административный центр Урумчи (и потенциально – МЦПС «Хоргос») уже превратились в торгово-логистический центр региона; транспортная инфраструктура и коммуникации будут способствовать усилению взаимодействия СУАР с Казахстаном и другими странами Евразии.

С другой стороны, преобладающий демографический и трудовой потенциал Китая нельзя прямолинейно рассматривать как неизбежную угрозу массового «выдавливания» избыточной рабочей силы из страны. В настоящее время давление на рынке труда КНР действительно стимулирует эмиграцию, но это – в кратко- и среднесрочной перспективе. Что касается

долгосрочного прогноза, то демографические тенденции могут измениться. Как известно, из-за ограничений в политике рождаемости на протяжении последних десятилетий и благодаря повышению уровня жизни, в структуре населения Китая сложился значительный демографический дисбаланс (немногочисленные возрастные когорты молодых людей, преобладание мужчин, растущая возрастная когорта лиц старше 65 лет), который также будет влиять на рынок труда. Быстрый процесс старения населения влияет на национальный рынок труда и в недалеком будущем грозит нехваткой рабочей силы в самом Китае. Это, скорее, будет стимулировать трудовую иммиграцию в Китай, нежели эмиграцию из нее, и, кстати, данный иммиграционный тренд сегодня уже обозначился в Поднебесной.

Еще один важный аспект заключается в том, что миграционные движения особенно интенсивны в приграничном Синьцзяне. Китайские эксперты еще в 1990-е годы видели возможность решения проблемы трудоизбыточности в СУАР в «замещении выбывающих из региона <Центральной Азии – Е.С.> русскоязычных трудовых ресурсов трудовыми ресурсами из Синьцзяна»^[13]. Казахстанские китаеведы не исключают, что трудовая иммиграция в Казахстан будет продолжаться как следствие избыточности и недостаточной квалификации трудовых ресурсов в СУАР. Этот вопрос требует более тщательного изучения для того, чтобы предвидеть, какие последствия это может иметь для Казахстана.

Для оптимального регулирования трудовой миграции между Казахстаном и Китаем, министерство труда Казахстана в сентябре 2013 года подписало межправительственное соглашение между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о временной трудовой деятельности граждан Казахстана в Китае и граждан Китая в Казахстане.

Китайский бизнес как двигатель миграции

Миграция для открытия и ведения бизнеса в Казахстане – это один из наиболее «укорененных» видов миграций из Китая. Первая «волна» китайского бизнеса «новейшего периода» поднялась на рубеже 1990-х, когда в процессе нормализации советско-китайских отношений обе страны подписали в июле 1988 года. Соглашение между СССР и КНР о взаимных поездках граждан, а в июле 1991 года – «Соглашение о принципах и основных направлениях развития сотрудничества между Казахской ССР и Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китайской Народной Республики», и между странами возобновились контакты. Эти соглашения открыли путь торговому сотрудничеству и развитию трансграничных передвижений, которую составили преимущественно индивидуальные предприниматели из КНР. В этот период в Советском Союзе нарастал экономический кризис и острый дефицит товаров и продуктов. Десятки тысяч мелких торговцев приезжали в РК, и в начале 1990-х страна, особенно в южном регионе, стала похожа на большую «барахолку», где бойко шла торговля китайскими товарами. После распада СССР, к ним прибавился встречный поток казахстанских челноков.

Сегодня, в условиях транснационализации хозяйственных связей, миграция для открытия и развития бизнеса за рубежом служит одним из признаков включения страны в глобальную экономическую систему. Китайский бизнес в Казахстане разнообразен и развивается во многом по тому же сценарию, что и в других странах мира, хотя и имеет свои особенности. За счет расширения малого бизнеса этнических китайцев за рубежом и их трудовой эмиграции, в их стране частично решаются вопросы безработицы и одновременно продолжается экономическое наступление КНР в мире.

Данные о динамике предприятий китайского и совместного малого и среднего бизнеса в Казахстане остаются противоречивыми на протяжении многих лет. По официальным данным, по состоянию на март 2013 года, в Казахстане насчитывалась 1250 действующих предприятий, учрежденных юридическими и физическими лицами КНР. Вместе с филиалами (47) и представительствами (86) различных компаний Китая в РК, общее число действующих субъектов малого, среднего и крупного китайского предпринимательства в республике насчитывает 1383^[14].

В региональном масштабе больше всего предприятий в Алматы, Алматинской области, Астане и Актюбинской области.

Среди **крупных предприятий** наиболее известны: акционерное общество (АО) «СНПС-Актобемунайгаз» – совместное казахстанско-китайское предприятие, которое занимается разработкой месторождений углеводородного сырья в Актюбинской области на западе Казахстана; компания «ПетроКазахстан» – вертикально интегрированная нефтегазовая группа, которая занимается геологоразведкой, разработкой месторождений, добычей нефти и газа, а также переработкой и продажей нефти в Кызылординской и Южно-Казахстанской областях; АО «Тургай Петролеум» и Товарищество с ограниченной ответственностью «СП «Казгермунай», которые осуществляют разведку, разработку, добычу и сбыт углеводородного сырья на месторождениях Южно-Тургайского нефтяного бассейна, и другие.

Общий социально-экономический эффект деятельности крупных компаний и привлечения ИРС в Казахстан значителен. Крупные китайские и совместные компании вносят вклад в развитие конкретных отраслей экономики и экономическое развитие в целом. Они создают дополнительные рабочие места, переобучают местную рабочую силу с тем, чтобы потом заменить ею иностранных менеджеров, специалистов, рабочих. В рамках политики социальной ответственности бизнеса крупные компании инвестируют в социальные программы и местные проекты, реализуют благотворительные программы, что способствует решению социальных проблем на уровне предприятий и местных сообществ. Однако, мероприятия социального порядка, реализуемые китайскими компаниями, мало известны общественности, а благотворительные взносы не всегда распределяются прозрачно, что вызывает неудовлетворенность и напряжение в местных сообществах, формирует негативное отношение к «китайцам».

Предприятия **малого и среднего китайского бизнеса** многочисленны, хотя и не всегда устойчивы. Они работают по производству и сборке бытовой техники, металлопластиковых изделий, строительных конструкций; долгие годы процветали торгово-посреднические организации по сбыту одежды, обуви, косметики, текстильных товаров, мебели, строительных материалов. Сегодня к ним прибавились поставки транспортных средств, различного оборудования – от производственного до перерабатывающего, для самых различных отраслей – от строительной до хлебопекарной, а также растет предложение обучающих и тренинговых услуг для персонала, посреднических услуг.

Имеются примеры успешного среднего бизнеса, которые также вкладывают средства в социальные программы. Например, китайская компания «Цинказ», учрежденная в 1998 году, через 10 лет признана «лучшим предприятием последнего десятилетия» в отрасли по производству консервированных томатных изделий. Сейчас «Цинказ» контролирует крупнейшую долю на рынке томатной продукции Казахстана. Генеральный директор фабрики Жэнь Ян Кю – гражданин КНР, на фабрике занято 140 сотрудников, около 130 человек – местные жители, т.е. местные работники составляют 95% кадров.

Большие перспективы имеет в Казахстане китайский агробизнес. В 2014 году 32 китайских гражданина уже взяли в аренду участки сельскохозяйственной земли в Восточно-Казахстанской области, где китайские фермеры выращивают сою, которую планируется экспортировать и перерабатывать в Китае^[15].

Торговля была и остается основным видом экономического взаимодействия РК и КНР. В торговом бизнесе сосуществуют крупные торговые компании, средние и небольшие закупочные и посреднические фирмы, но преобладают индивидуальные предприниматели, мелкие торговые мигранты, челночники. Этот феномен характерен для постсоветских стран, некоторых стран Восточной Европы, Турции и Китая. Он возник как форма экономической самостоятельности населения в ответ на экономический кризис 1990-х годов, когда в условиях массовой безработицы

население стало зарабатывать средства к существованию за счет покупки за рубежом и перепродажи товаров повседневного спроса.

Участие большого числа мелких торговцев (как правило, не зарегистрированных юридически в качестве предпринимателей) сформировало и соответствующую инфраструктуру бизнеса: стихийные базары, малые рынки и большие оптово-розничные рынки. Значение оптово-розничных рынков и небольших розничных базаров трудно переоценить, потому что, начиная с 1990-х годов, покупка и перепродажа товаров стали единственным способом заработать средства к существованию, что помогло выжить сотням тысяч домохозяйств, а значит – миллионам казахстанцев. Многие предприниматели и мелкие торговцы называют рынок своим «кормильцем», хотя торговля в определенной мере происходила в сфере неформальной экономики[16].

Китайские товары поступают в Казахстан напрямую через контрольно-пропускные пункты на границе с КНР и транзитом – через территорию соседнего Кыргызстана. Поскольку Китай и Кыргызстан являются членами Всемирной торговой организации, по их территории гарантировано свободное перемещение товаров, капиталов и услуг. Товары с затем перепродаются крупными оптовиками и мелкими розничными торговцами во всех уголках Центральной Азии и России.

Образовательная миграция - "мягкая сила" Китая?

Образовательная миграция и академическая мобильность между Казахстаном и Китаем резко увеличились в последние годы. Под образовательной (учебной) миграцией мы имеем в виду обучение в высшем или среднем учебном профессиональном заведении за рубежом с целью получения специальности. Сюда также включены языковые курсы, которые, как правило, предшествуют обучению в вузе или колледже. Академическая мобильность – это обучение студентов, стажировка преподавателей, проведение исследований в течение определенного академического периода, как правило, семестра или учебного года, в другом высшем учебном заведении внутри страны или за рубежом.

Образовательная миграция из Китая в Казахстан незначительна по объему, прошла свой пик в середине нулевых (2165 студентов в 2005 году) и представлена в основном этническими казахами из Синьцзяна – репатриантами или сохранившими гражданство КНР. Напротив, миграция для обучения в университетах и колледжах Китая растет из года от года, и в 2014 году на порядок превышала поток студентов в Казахстан. Это более интернациональный поток, хотя казахстанцы-казахи в нем также преобладают.

Столь впечатляющая динамика достигнута по нескольким причинам. Во-первых, сотрудничество в области образования обусловлено экономическими потребностями обеих стран. В настоящее время Китай реализует в Казахстане несколько крупных инфраструктурных проектов, и это требует привлечения специалистов различных специальностей по профилю данных проектов, которые отсутствуют, либо в дефиците на рынке труда республики. Во-вторых, она обусловлена современным состоянием системы образования и науки РК. Основные ее недостатки: недофинансирование на протяжении многих лет, преобладание специалистов-гуманитариев в ущерб техническим, низкое качество преподавания и, соответственно, получаемых знаний, несоответствие номенклатуры подготавливаемых специальностей потребностям рынка труда, дороговизна образования и проживания в городах, коррупция.

С другой стороны, молодежь привлекает относительная дешевизна университетского образования в Китае, растущая репутация китайских вузов, возможность изучить китайский язык, получить более востребованную специальность и работать на китайских или совместных предприятиях, получая при этом достаточно высокую зарплату. Конечно, определенную роль играет и геополитическое и геоэкономическое возвышение самого Китая, которое делает привлекательным обучение в этой географически близкой стране. Кроме того, и сам Китай в последние годы активно

включился в глобальную конкуренцию за студентов и продвигает свои университеты на мировом рынке образовательных услуг, в том числе в Казахстане.

В Китае увеличение образовательной миграции осуществляется в рамках политики «мягкой силы» («*soft power*», кит. *жуань шили*). Понятие «мягкая сила» введено в оборот американским профессором Джозефом Наем^[17] и обозначает использование нематериальных ресурсов культуры и идеологии для оказания влияния на другие страны и их население, не применяя военные или силовые методы («убеждением, а не принуждением»).

Одним из важнейших направлений «мягкого» воздействия является система образования: Китай активно посылает своих студентов за рубеж и привлекает иностранных студентов в свои университеты. Число иностранных студентов в КНР резко возросло в последние 15 лет. На Всекитайском совещании по вопросам обучения за рубежом, прошедшем в Пекине 12-13 декабря 2014 года, были озвучены следующие цифры. Сегодня Китай является страной номер один в Азии, которая привлекает зарубежных студентов: в 2014 году 360 тысяч иностранцев из более чем 200 стран и регионов обучались в различных учебных заведениях КНР, лидируют среди них Южная Корея, США, Япония, Таиланд, Вьетнам, Россия и Индия. Одновременно Китай первенствует в мире по количеству студентов, обучающихся за границей: с начала политики «реформ и открытости» КНР за 1978-2013 годы их общее число составило 3,06 млн, они обучались более чем в 100 странах мира, а 350 тысяч китайских студентов в 2013 году по окончании учебы возвратились на родину. В 2013 году Китай подписал соглашения о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях с 41 страной и регионом мира^[18].

Политика «мягкой силы» Китая ознаменовалась открытием в разных странах мира институтов Конфуция – некоммерческих гуманитарных учреждений, созданных для продвижения китайского языка и культуры во всем мире. Первый такой институт появился за пределами Китая в 2004 году в Сеуле. За десять лет Китай учредил 475 институтов Конфуция в 126 странах и регионах мира^[19].

Как и во всем мире, в Казахстане политика «мягкой силы» КНР способствует распространению китайской культуры и китайского языка. Обучение языку происходит на многочисленных языковых курсах и в институтах Конфуция; растет миграция студентов и мобильность стажеров и докторантов; развиваются научные обмены и исследовательские проекты; активизируются двусторонние культурные обмены и выставочная деятельность; Китай инвестирует в образование (в том числе передает безвозмездные гранты), сектор теле- и радиовещания, культурные мероприятия.

Интенсификация гуманитарного сотрудничества между Казахстаном и Китаем началась в 2000-е годы после подписания межгосударственных и межведомственных соглашений в области образования: в Китай на учебу отправились сначала десятки, а потом и сотни студентов. По сообщениям СМИ, в 2006 году в Китае получали высшее образование около 1200 казахстанских студентов^[20] по всем видам программ – государственным, корпоративным, частным. По последним сообщениям СМИ, в 2014/2015 учебном году в КНР обучаются почти 11,2 тысячи казахстанских студентов^[21]. По данному показателю Китай занимает второе место после России, где учатся 28 тысяч человек, а всего за пределами РК обучаются свыше 50 тысяч казахстанских студентов. Это беспрецедентно высокий рост обучающихся за рубежом в стране, с которой еще четверть века назад у Казахстана не было дипломатических отношений.

Почти треть казахстанских студентов обучается в Пекине – около 4 тысяч, в Урумчи – 1250, Шанхае – 800, Сиане – 700, Гуанчжоу – 500, Ухане – 400 и других городах. Сложилось определенное преобладание вузов Пекина, Шанхая, Сианя, Гуанчжоу, Урумчи, т.е. крупных городов восточного, а также северо-западного КНР, географически близкого Казахстану. Например, в вузах Синьцзян-Уйгурского автономного района в 2011 году обучалось 1360 студентов (по данным посольства РК в КНР). Так, в Медицинском университете Синьцзяна традиционную китайскую медицину изучают более 70 студентов из Казахстана, Кыргызстана и

других стран Центральной Азии. По словам одной из казахстанских студенток, ее интерес к китайской медицине пробудился после того, как в стране открылись многочисленные оздоровительные учреждения, применяющие традиционные методы: акупунктуру, китайский массаж, и лекарственные травы[22].

Первый год образования в Китае посвящен, как правило, обучению китайскому языку. Обучение на языковых курсах позволяет студентам сдать государственный экзамен *HSK (Hanyu Shuiping Kaoshi, Ханьюй Шуйпин Каоши)* для сертификации уровня владения китайским языком и последующего обучения в системе высшего образования – это экзамен для лиц, не являющихся носителями китайского языка, включая иностранцев, китайских эмигрантов (*хуацяо*) и представителей национальных меньшинств[23].

Выучить язык можно также и в Казахстане, либо на специальных курсах, либо в институтах Конфуция. Первые институты Конфуция открылись в Астане – при Евразийском национальном университете им. Н. Гумилева в декабре 2007 г., и в Алматы – при Казахском национальном университете (КазНУ) им. аль-Фараби в феврале 2009 г. Институт Конфуция в КазНУ открылся на базе Центра китайского языка, созданного в 2002 году в результате многолетнего сотрудничества вуза с Ланьчжоуским университетом[24]. Ежегодно Институт направляет преподавателей для научных стажировок и совершенствования знания китайского языка. К 2014 году Институт Конфуция отправил в КНР свыше 500 студентов и сотрудников университета[25]. В 2011 году в Казахстане открылось еще два института Конфуция – в Актобе (Актюбинске) и Караганде на базе вузов этих городов, их партнером выступил Синьцзянский университет экономики и финансов в Урумчи[26]. Деятельность институтов Конфуция способствует более тесному сотрудничеству в образовательной и культурной сферах и дальнейшей регионализации отношений Казахстана и СУАР.

Обучающие и исследовательские программы в Китае осуществляются как по официальным каналам (через вузы, академические и отраслевые институты и центры), так и вне официальных каналов. В Китае обучаются различные контингенты студентов: прибывшие в рамках государственных соглашений, в рамках казахстанской программы «Болашак»; самостоятельно оплатившие свое обучение: языковые курсы, обучение в колледже или университете, а также те, чье переобучение и стажировку оплатили посылающие предприятия – частные и частно-государственные компании, такие как ОАО «Актобемунайгаз». Например, за 2005-2014 годы в Китае по программе академической мобильности «Болашак» прошло обучение 190 студентов. Это небольшой процент по сравнению с другими странами (большинство студентов обучаются в Великобритании, США и России), однако, число обучающихся в университетах КНР и Юго-Восточной Азии, растет.

Основные специальности, по которым студенты получают образование, это: технические (например, нефтеразведка и нефтедобыча, металлургия и машиностроение, строительство и транспорт, информационные технологии и экология), и гуманитарные: регионоведение, международные отношения, переводческое дело.

Особенностью образовательной миграции из Казахстана в Китай является ее полиэтничный состав: среди студентов, обучающихся в китайских колледжах и университетах, – казахи, русские, украинцы, дунгане, китайцы (казахстанские граждане), представители других национальностей. Преобладают казахские студенты, потому что они преобладают среди участников государственных образовательных программ, и в этнодемографической структуре населения Казахстана в целом.

Рост желающих учить китайский язык и получить образование в КНР – это глобальная тенденция, которая подтверждает трансконтинентальное распространение китайского бизнеса, для эффективного сотрудничества с которым необходимо знание китайского языка[27]. Владение китайским языком также повышает конкурентоспособность казахстанских специалистов не только

на местном, но и на международном рынке труда – некоторым успешным казахстанским студентам китайских вузов предлагают работу еще до того, как они получили дипломы.

Перспективы развития образовательной миграции

Результаты социологического исследования, проведенного в Казахстане в 2012 году, подтверждают впечатляющую динамику образовательной миграции из Казахстана в Китай: согласно опросу, 16% опрошенных имели знакомых, друзей или родственников, обучающихся в настоящее время или ранее обучавшихся в Китае^[28]. Эта доля, на первый взгляд, может показаться скромной, однако необходимо помнить, что Казахстан (еще в составе СССР) и КНР разделяло два десятилетия напряженности в межгосударственных отношениях, и в этот период контакты в области культуры и образования были сведены на нет. Быстрый рост студенческой миграции произошел буквально в последние 5-10 лет.

Опрос также выявил растущую заинтересованность казахстанцев в получении образования в Китае либо китаеведческой специализации в Казахстане. Так, согласно опросу, 12% респондентов сами хотели бы получить образование в Китае, а 18% – чтобы его получили их дети; хотели бы сами получить китаеведческую специализацию в Казахстане – 13%, хотели бы, чтобы дети учились в Казахстане и здесь специализировались в китаеведении – 16% респондентов (рис. 5).

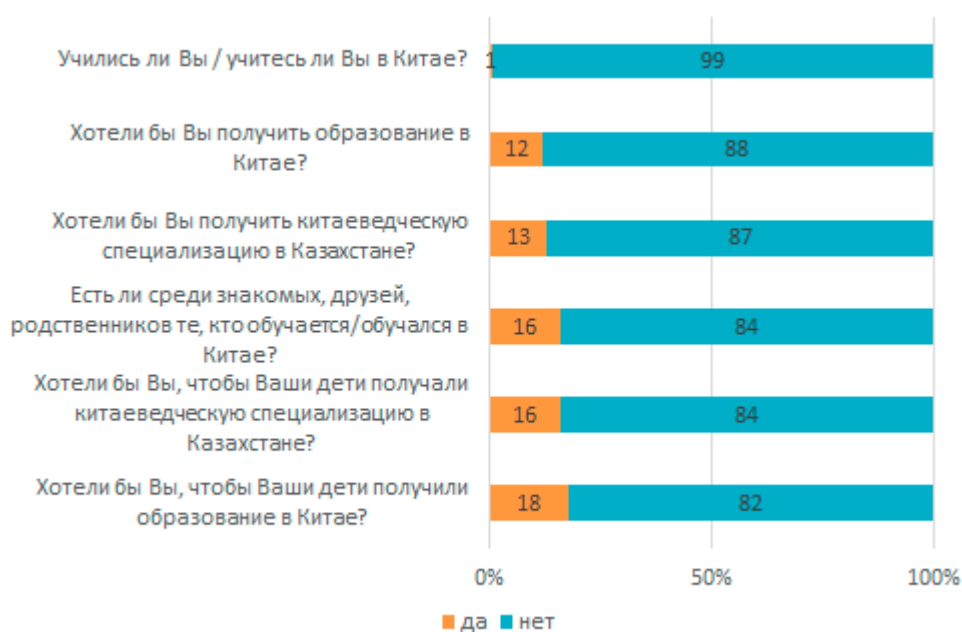

Рисунок 5. Казахстанцы о реалиях и перспективах получения образования в Китае (в процентах от числа ответивших). N=544

В региональном разрезе ориентация на получение образования в Китае выше всего в Алматы. Здесь у 27% респондентов есть знакомые, друзья или родственники, которые обучаются или обучались в КНР. В южной столице 17% респондентов хотели бы сами получить образование и 32% – хотели бы, чтобы дети получили образование в Китае. 27% алматинцев выразили желание сами получить китаеведческую специализацию в Казахстане и 39% респондентов – чтобы дети специализировались в китаеведении на родине.

Предсказуемо, доля желающих получить образование в Китае или специализироваться в китаеведении выше всего среди респондентов 15-29 лет и среди имеющих незаконченное среднее и незаконченное высшее, а также среднее и высшее образование. В разрезе национальных групп растущую заинтересованность в получении образования в Китае или специализации выразили респонденты-казахи – их ответы на все вопросы в 1,5-2 раза выше показателей русских респондентов и представителей других национальностей.

Подобные образовательные предпочтения казахстанцев перекликаются с планами КНР на увеличение приема иностранных студентов. В июне 2012 года во время саммита ШОС в Пекине Китай объявил о решении обучить 1500 специалистов из государств-членов ШОС в китайских университетах в течение трех лет. Кроме того, Китай предоставит 30 тысяч государственных грантов и примет на обучение и повышение квалификации 10 тысяч студентов и преподавателей институтов Конфуция в течение ближайших 10 лет[29]. Таким образом, учитывая динамику студенческой миграции, растущую заинтересованность казахстанцев в получении образования в Китае и планы КНР по увеличению приема иностранных студентов, можно прогнозировать дальнейший рост образовательной миграции и академической мобильности из Казахстана в Китай.

Помимо довольно неожиданного, но вполне объяснимого разворота образовательного потока молодежи на восток, происходят и другие, не менее любопытные процессы, например, транснационализация социального пространства между Казахстаном и Китаем. Образовательный процесс сопровождается активным трансграничным сетевым сотрудничеством казахстанской молодежи. В этом легко убедиться, посетив сайты в сети Интернет, связанные поиском информации по теме «обучение в колледжах и вузах Китая». Многие учащиеся и студенты едут на обучение в Китай вне официальных каналов. Уже прошедшие обучение и стажировку в КНР готовы поделиться информацией о том, в каких университетах найти подходящую специализацию, подсказать, где получить грант для изучения китайского языка, предоставить необходимую информацию обо всех учебных заведениях в Китае и помочь с «навигацией» по Китаю[30]. Неформальное сетевое сотрудничество и взаимодействие школьников и студентов через границы и внутри Китая быстро развиваются в последние годы, и это весьма важно для взаимопомощи и взаимоподдержки в стране с новой для молодых людей культурой, традициями, языком.

Это общение происходит не только между студентами и не исчерпывается лишь образовательными темами. По скайпу, телефону, в социальных сетях общаются друзья и одноклассники, оставшиеся в Казахстане, обсуждая самые разные темы – от политики до досуга; родители поддерживают постоянные контакты со своими детьми, посылают им денежные переводы и время от времени сами навещают их в Поднебесной; родственники в разных частях Казахстана хотят узнать о Китае «из первых уст» и т.д. Т.е., постоянно растет спектр трансграничных семейных и организационных, экономических и социокультурных контактов и отношений, которые связывают оставшихся и уехавших.

Роль образовательной миграции и академической мобильности, перспективы их развития и потенциальные последствия для Китая и Казахстана сложны и разнообразны. При этом, несмотря на растущую роль этого вида миграции, он изучен весьма слабо, имеющаяся статистика не консолидирована, многие аспекты образовательной миграции еще ждут своего исследования. Способствуя наращиванию потенциала для развития, она может иметь и негативные средне- и долгосрочные последствия для национальных экономик и человеческого капитала посылающих стран. Она содержит риски безвозвратной «утечки мозгов» из посылающей страны; может стать каналом «брачной миграции», потому что студенты – это молодые люди, которые могут создать семью во время и после получения образования, а может стать каналом трансформации временной миграции (обычно студенты находятся в стране по временной учебной визе) в постоянную. Для предупреждения отрицательных последствий, современную образовательную миграцию и академическую мобильность необходимо изучать и анализировать в широком социальном контексте.

Процесс транснационализации социального пространства и связанные с этим миграции характерны не только для казахстанско-китайских, но и для казахстанско-российских и казахстанско-немецких трансграничных отношений[31], вследствие масштабной миграции и наличия крупных диаспор выходцев из Казахстана в России и Германии, но для казахстанско-китайских отношений он нов и совершенно не изучен. Очевидно, что его (как и многие другие аспекты образовательного сотрудничества и миграционных движений между Казахстаном и Китаем) необходимо исследовать в парадигме новых концептуальных подходов, связанных с глобализацией миграционных процессов и социальной трансформацией в мире.

Репатриация казахов из Китая

Вопреки опасениям казахстанской общественности по поводу того, что китайцы «массово расселяются» и приобретают гражданство республики, некоторые виды миграции, например, переселение на постоянное место жительства в РК представлено не ханьцами, а преимущественно этническими казахами (*оралманами*). С 1991 года репатриация оралманов стала главным направлением государственной миграционной политики Казахстана.

В мире существует три государства, которые проводят политику этнически избирательной иммиграции (репатриации): Германия, Израиль, Казахстан. Как и Германия, Казахстан первоначально формировал свою политику репатриации как «ликвидацию исторической несправедливости», поощряя иммиграцию казахов, пострадавших от репрессий и насильственной коллективизации в 1930-1940-е годы. В последнее десятилетие характер миграционной политики в Казахстане изменился, и сегодня его миграционная политика нацелена на возвращение этнических казахов независимо от образования, квалификации, страны происхождения и т.д., главный критерий – это этничность. Это отражено и в определении оралмана, и в целях политики, сформулированных в Концепции миграционной политики Республики Казахстан.

В законе РК «О миграции населения» от 22 июля 2011 года[32] оралман определяется как этнический казах, постоянно проживавший на момент приобретения суверенитета Республикой Казахстан за ее пределами, и его дети казахской национальности, родившиеся и постоянно проживавшие после приобретения суверенитета Казахстаном за его пределами, прибывшие в РК в целях постоянного проживания, получившие соответствующий статус в порядке, определяемом законом, и расселяемые в определенные правительством регионы РК. В этом плане репатриационная политика Казахстана становится больше похожа на политику государства Израиль, нежели на политику, проводимую Германией, которая сегодня сделала приоритетом своей иммиграционной политики привлечение высококвалифицированных кадров.

Репатриация оралманов призвана увеличить долю казахского населения и общую численность населения страны. Репатриация имеет развитую нормативно-правовую и институциональную базу, переселение оралманов обеспечено финансово и организационно, подкреплено льготами и компенсациями.

По данным Министерства внутренних дел, с 1995 по 2014 год (9 месяцев) из Китая в Казахстан переселилось 92,3 тысячи человек[33]. Из них, приняты в гражданство РК около 73,8 тысячи: 73797 – этнические казахи-оралманы, 80 – ханьцы. Остальные 18,5 тысячи репатриантов постоянно проживали в республике, имея вид на жительство в Казахстане и сохраняя гражданство Китая, из них около 18 тысяч – этнические казахи, 393 – ханьцы, 42 – уйгуры и еще 42 человека – представители других национальностей. Доля прибывших из КНР среди общего числа переселенцев – 11,4%[34]

В целом, за последние 20 лет произошла моноэтнизация потока иммигрантов из Китая. В 1990-е годы на постоянное жительство переезжали не только этнические казахи, но и уйгуры, китайцы, корейцы, дунгане, татары, узбеки, русские, и доля казахов среди иммигрантов из КНР составляла ежегодно в среднем 89,8%, а в 2007-2012 и вплоть до 2014 года – превышала 99% (рис. 6).

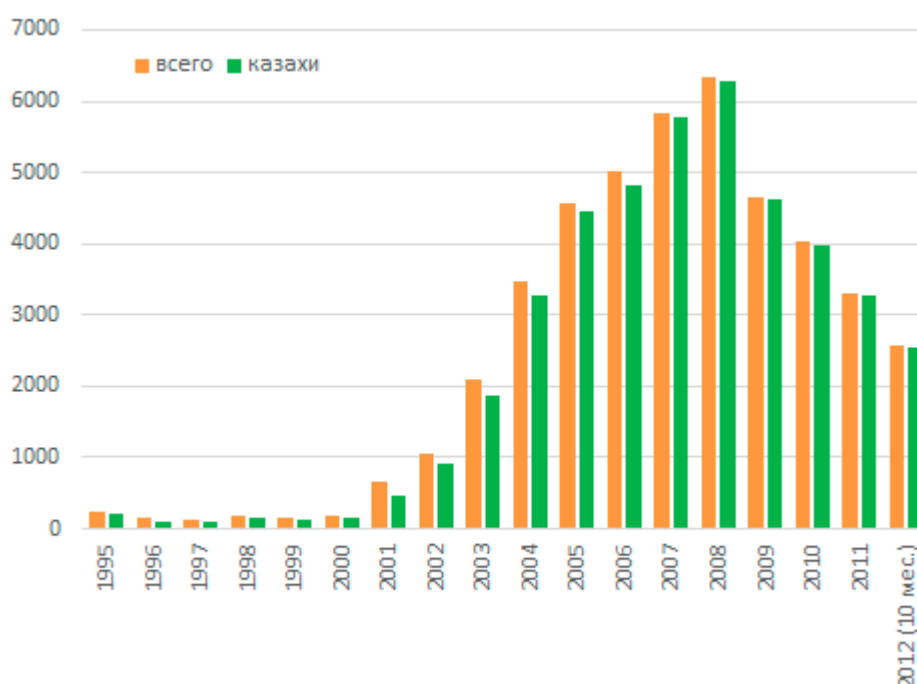

Рисунок 6. Этнический состав иммигрантов из Китая в Казахстан в 1995–2012 годах, человек

Переселенцы в основном расселились в сельской местности – 79,2%, в городской – 20,8%. Уровень образования прибывших ниже, чем у принимающего населения: лишь 12,9% имели высшее и незаконченное высшее образование, 9,3% – среднеспециальное, а основная часть имела общее, основное среднее и начальное образование (среди населения свыше 15 лет)[35]. Около 90% оралманов расселились в соседних с Китаем областях: Алматинской и Восточно-Казахстанской и в г. Алматы, некоторое число проживает в северных и центральных областях: Карагандинской, Акмолинской и в г. Астане. Преимущественное расселение в Алматинской и Восточно-Казахстанской областях объясняется, прежде всего, тем, что они граничат с Синьцзяном, где компактно проживает казахская диаспора КНР.

Оралманы законодательно обеспечены многочисленными льготами и преференциями, включая бесплатные адаптационные и интеграционные услуги в центрах адаптации и интеграции оралманов; медицинскую помощь; места в школах и дошкольных организациях наравне с гражданами Казахстана; возможность получения профессионального образования в соответствии с 2%-процентной квотой правительства; социальную защиту наравне с гражданами Казахстана и т.д. Кроме того, оралманам для ведения личного подсобного хозяйства предоставляются земельные участки на правах временного безвозмездного землепользования; для ведения крестьянского или фермерского хозяйства и товарного сельскохозяйственного производства предоставляются земельные участки на правах временного землепользования[36].

Эти положения закона противоречат статье 14 Конституции РК о необходимости обеспечения равноправия каждого человека перед законом и соблюдения принципа не-дискриминации по мотивам происхождения, пола, расы, национальности, языка, социального положения и других различий, однако, многочисленные преференции для оралманов сохраняются на протяжении многих лет. Этнически избирательная иммиграция приводит к нарушению прав человека и является дискриминирующей нормой в отношении других иммигрантов и самих казахстанских граждан, включая коренных этнических казахов, которые не получают подобных преференций.

Несмотря на то, что оралманы получают гражданство в упрощенном порядке[37] и получение гражданства открывает им доступ к различным льготам, как оказалось, данные привилегии не стали стимулом для принятия гражданства переселенцами из Китая. Перепись населения Казахстана 2009 года показала, что на территории страны проживало 101640 граждан других стран и 57278 лиц без гражданства, что в сумме составляло 1% населения. Среди лиц с гражданством стран, не входящих в СНГ, абсолютно преобладал Китай, чье гражданство имели 38609 человек[38]. За прошедшие три года после переписи (2010-2012) более 20 тысяч оралманов стали гражданами Казахстана, однако более 18 тысяч этнических казахов (на 01 октября 2014 года, с учетом вновь прибывших) еще сохраняли китайское гражданство.

Оралманы используют свой китайский паспорт для беспрепятственного передвижения через границу, чтобы навещать родственников и развивать бизнес в обоих государствах. Весной 2012 года на политику репатриации был наложен временный мораторий, после того, как в декабре 2011 года произошел трудовой конфликт в г. Жанаозене на западе страны, где участвовали и оралманы из Туркменистана. В результате, число оралманов из Китая продолжает сокращаться.

Особенности адаптации оралманов из Китая. Как показало социологическое исследование, проведенное среди казахских репатриантов в 2009 году, адаптационные меры, предпринимаемые оралманами из Китая, несколько отличаются от мер, используемых переселенцами из других стран. Так, 66,6% репатриантов из Китая отметили, что для успешной адаптации они работают и получают необходимую специальность (37,5% и 29,1%, соответственно), против 41,6% в среднем по выборке, что свидетельствует о весьма активной, деятельной позиции китайских оралманов. Заводят знакомых из числа местного населения – 20,7%, хотели бы породниться с местными жителями – 16,7%, хотели бы жениться/выйти замуж за местного – 12,5%; 16,7% учат казахский язык; ничего не предпринимают лишь 12,5% респондентов[39].

Переселенцы из Китая больше других склонны опираться на свои силы и не надеяться на поддержку государства. Доля ответивших таким образом составляет среди «китайских» казахов 50%. Подобная высокая доля рассчитывающих только на собственные силы при переезде в Казахстан характерна еще лишь для одной страны – Монголии – 48,8%, у остальных она составляет от 8,4 до 29,1%, в среднем – 16,5%. В то же время 20,8% китайских оралманов рассчитывали на помощь родственников и знакомых при переезде в Казахстан[40]. Это подтверждают и слова известного казахстанского китаеведа К.Ш. Хафизовой, которая отмечает, что среди казахов из Китая, приезжающих на постоянное жительство, «...наблюдается явная тенденция к восстановлению не только родственных, но и родоплеменных связей китайских и наших <казахстанских – Е.С.> казахов»[41]. На помощь государства рассчитывали 25%, а местных властей – лишь 4,3% репатриантов из Китая.

После переезда в Казахстан оралманы из Китая селятся преимущественно в сельской местности, относительно компактно, и из-за этого они слабо интегрированы в принимающие сообщества. Существуют определенная социальная дистанция и напряженность среди населения принимающих сел по отношению к переселенцам из Китая. В местах компактного расселения оралманы ведут домашнее хозяйство – разводят скот, распахивают и засеивают бесхозные участки земли, приобретают малую сельскохозяйственную технику и транспорт, чтобы расширить посевные площади и т.д. Даже с помощью своего небольшого хозяйства, благодаря трудолюбию, они оказываются более успешными, чем казахи-переселенцы из других стран и даже местные жители[42].

Некоторые оралманы из Китая уже сейчас добились успеха в бизнесе и нанимают на работу местных казахов. Поскольку они прибывают преимущественно из приграничного Или-Казахского автономного округа Синьцзяна, то их бизнес развивается на фоне быстрорастущего внешнеторгового сотрудничества СУАР с Казахстаном, часть которого происходит за счет «народной» трансграничной торговли. Лишь некоторые оралманы зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей, а торговля осуществляется в «неформальном» секторе.

В условиях дефицита квалифицированной рабочей силы в Казахстане занятость оралманов повышается: переселенцы со средним и высшим профессиональным образованием работают в качестве управленцев, преподавателей вузов и учителей школ, специалистов, рабочих. Обладатели вузовских дипломов стремятся найти работу в китайских или совместных предприятиях в Алматы, Астане или в западных областях республики, где требуется китайский язык. Новую роль на рынке труда, в бизнесе и в политике может сыграть казахская молодежь, которая сейчас обучается в Казахстане, и казахстанская молодежь, которая обучается в СУАР.

Что касается принимающего сообщества, то оралманы из Китая пока чувствуют себя довольно изолированно: 33,3% – постоянно или часто, 58,3% – время от времени (самый высокий показатель среди респондентов из других стран и на 11,5% выше среднего значения по выборке); лишь 8,4% незнакомо это чувство. 66,6% респондентов из КНР (50,6% – в среднем по выборке) отметили, что постоянно или время от времени испытывают трудности в общении с местными жителями[43]. Среди тех, кто изредка или вообще не испытывает чувства изоляции, в основном респонденты, которые обучаются в вузах, колледжах или имеют постоянную работу. Тем не менее, как выявил опрос, оралманы из Китая в большинстве своем связывают свое будущее с Казахстаном: 70,8% респондентов «не планируют возвращаться с Китая», и 66,6% – «уверены в своем благополучном будущем» в Казахстане[44].

Китайская миграция и бизнес в Казахстане: вызов или новые возможности?

На основе анализа китайской миграции и бизнеса в Казахстане можно сделать вывод, что речь идет о вполне традиционных для глобализирующегося мира мигрантских потоках, продвижении китайского бизнеса и торговли в регионе. То, что этот процесс протекает противоречиво и сочетает в себе и положительные и отрицательные последствия, тоже служит общей характеристикой международных миграций.

Если рассматривать миграцию из КНР и китайский крупный, средний и малый бизнес в контексте растущего китайского экономического присутствия в Казахстане, то его импликации можно оценивать на макроуровне. Государственные кредиты и инвестиции крупных частных или частно-государственных компаний положительно влияют на развитие казахстанской экономики, особенно тех ее секторов, куда они непосредственно направлены, будь то энергетический (нефте- и газоперерабатывающий), транспортный (авто- и железнодорожный) или другие секторы. Инвестиции способствуют развитию самих отраслей, их производственной инфраструктуры, а также местной социальной инфраструктуры и опосредованно – человеческому развитию (системы образования, профессионального переобучения, повышения квалификации, социальной защиты). Вместе с тем существует много проблем, включая условия, безопасность и оплату труда, защиту окружающей среды и многие другие, еще не решенные на китайских или совместных предприятиях. Привлекательным для авторитарных режимов Казахстана и Центральной Азии является тот факт, что экономическая политика Китая за рубежом, в том числе его международная помощь для развития, не включает никаких политических условий, в частности, требований по соблюдению прав человека.

Для Казахстана важно, что Китай способствует диверсификации современного списка инвесторов, среди которых США, Великобритания, Канада, Россия. Присутствие Китая диверсифицирует источники инвестиций не только в нефтегазовой промышленности, но и в транспортной. Нефте- и газопроводы, железнодорожные и автомобильные дороги, которые строит Китай, существенно расширяют доступ Казахстана на международный нефтегазовый рынок. С другой стороны, Китай очень быстро наращивает свои нефтяные активы и уже сегодня контролирует до 25-40% нефтяных активов в Казахстане. Китайские инвестиции преимущественно в энергетический сектор значительно увеличивают риск «моноспециализации» Казахстана на нефтедобыче, что может привести к тому, что регион станет «сырьевым придатком» не только развитых западных стран, но и Китая.

Сегодня экономическое присутствие Китая в Казахстане – это объективная реальность, а торгово-экономическое сотрудничество – ключевое направление взаимодействия. Китай стал основным торговым партнером Казахстана и поставщиком практически всей номенклатуры товаров повседневного спроса, и ныне, во все возрастающих объемах – продовольственных товаров и потенциально – транспортных средств и перерабатывающего оборудования на рынок Казахстана. Поставки товаров повседневного спроса уже сформировали определенную зависимость Казахстана от восточного соседа. Если представить гипотетическую ситуацию, при которой объемы торговли с Китаем сократятся, то в Казахстане не только начнется товарный дефицит, но и возрастет безработица, потому что сегодня сотни тысяч казахстанцев заняты в торговом бизнесе, причем именно в секторе торговли китайскими товарами.

Наряду с товарами, китайский средний и малый бизнес предлагает услуги в других секторах, например, в сфере питания, медицины, туризма, что диверсифицирует местный потребительский рынок и насыщает его новыми специфическими этническими продуктами и услугами. Вместе с тем, китайский торговый бизнес берет верх в конкуренции над малым бизнесом в Казахстане, потому что китайские товары дешевле и разнообразнее. Негативным следствием стало то, что насыщение рынка некоторыми китайскими товарами, продвижение китайского торгового бизнеса, вкупе с рядом внутренних причин, привели к упадку отдельных секторов экономики Казахстана, например, обувной и текстильной промышленности.

В течение двух десятилетий присутствия китайского бизнеса в Казахстане и Центральной Азии не учреждено ни одного успешно работающего совместного предприятия, КНР не передавал в регион новых передовых технологий. Растущее присутствие китайского бизнеса и китайской рабочей силы создает новые возможности для Казахстана и стран региона, но инвестиции пока вкладываются преимущественно в инфраструктурные проекты, а не в высокотехнологичный бизнес и науку. Тем не менее, в позитивном сценарии взаимовыгодного сотрудничества Китай может выступить для Казахстана локомотивом технологического и экономического развития.

На микроуровне также проявляются положительные последствия развития трансграничных торговых и бизнес-связей между местными предпринимателями из Казахстана/ Центральной Азии и Синьцзяна/Китая, которые, несомненно, вносят вклад в экономическое сотрудничество и стабильность на макроуровне. Эти трансграничные взаимодействия укреплялись на протяжении последних двух десятилетий, что позволяет говорить о включении западного района Китая во внутрорегиональную центральноазиатскую миграционную подсистему. Этот новейший тренд в развитии миграций имеет для Казахстана и Центральной Азии многообразные экономические, политические и геополитические последствия на различных уровнях – от локального и национального, до регионального и глобального.

Сегодня еще рано говорить о политическом влиянии Китая в регионе, хотя оно вполне просматривается в политике, которую проводит КНР, используя механизмы Шанхайской организации сотрудничества. Однако рост политического влияния Китая неизбежен как следствие усиливающегося китайского экономического присутствия в регионе.

Что касается решения внутренних проблем современной миграции между Казахстаном и Китаем, особое внимание следует уделить организации и осуществлению законных и регулируемых миграций и «прозрачного» легального бизнеса граждан Китая; адаптации и интеграции репатриантов из Китая, равно как и других категорий постоянных и временных мигрантов, например, обучающихся в Казахстане студентов. Необходимы мониторинг, исследование, анализ и прогноз миграционных движений и демографических процессов в региональном разрезе и в Казахстане в целом.

Решение проблем регулирования миграционных потоков и предупреждения незаконной миграции лежит на путях взаимодействия всех участников («субъектов») процесса: государственных органов, экспертного сообщества, международных и неправительственных организаций, средств

массовой информации. Для Китая и Казахстана, а также всех республик Центральной Азии это новый вызов, проблема, которая может быть решена только на путях дву- и многостороннего сотрудничества.

- [1] Статья подготовлена на основе материалов книги «**Китайская миграция в Республике Казахстан: традиции Шелкового пути и новые векторы сотрудничества**». Алматы, Изд-во Раритет. 2014, с дополнениями и обновлениями.
- [2] Садовская Елена Юрьевна – кандидат философских наук, независимый аналитик, Алма-Ата, Казахстан.
- [3] По данным Department of Population, Social, Science and Technology Statistics of the National Bureau of Statistics of China and Department of Economic Development of the State Ethnic Affairs Commission of China, Цит. по: <http://en.wikipedia.org/wiki/Xinjiang> (Доступ 11 апреля 2013).
- [4] В данной статье используется определение международной миграции, основанное на рекомендациях международных организаций государствам к использованию при формировании своего национального законодательства и выработке миграционной политики. Согласно этому определению, международная миграция – это перемещение лиц, покидающих страну происхождения или проживания с целью постоянного или временного проживания или найма на работу в другой стране. При этом мигранты пересекают международные границы, что регулируется национальным или международным миграционным законодательством (Руководство по разработке эффективной политики в области трудовой миграции в странах происхождения и назначения / Совместное издание ОБСЕ, МОМ, МОТ. Вена, 2006).
- [5] Подсчитано на основе данных Пограничной службы КНБ РК. Астана, март 2013.
- [6] По данным Управления миграционной полиции МВД РК, на 1 октября 2014. Астана, 5 ноября 2014 г.
- [7] Правила выдачи виз, продления и сокращения сроков их действия в Казахстане нередко меняются. Последние были введены в мае 2013 г. совместным приказом министра МВД и МИДа Республики Казахстан. Установлены различные режимы пребывания граждан в зависимости от типа визы: дипломатической, служебной, деловой, туристской, частной, для трудовой деятельности и т.д. Например, в Правилах предусматривается выдача деловых виз для командировки с целью монтажа, ремонта и технического обслуживания оборудования с правом пребывания не более 60 суток в течение 180 суток, туристских виз с максимальным сроком действия до 90 дней и правом пребывания на территории РК до 30 суток при каждом заезде и т.д.
- [8] См. подробнее: Садовская Е.Ю. Международная трудовая миграция в Центральной Азии в начале XXI века (на примере Республики Казахстан). М.: Восточная книга, 2013, С. 412-432.
- [9] Бюллетень «Мониторинг Казахстанского Международного Бюро по правам человека и соблюдению законности» в Актюбинской области, 2006. 13 октября.
- [10] Групповая драка между рабочими на месторождении Северная Трува получила, наконец, своё объяснение. <http://www.old.rikatv.kz/modules.php?name=News&file=article&sid=6061> 22.09.2010.
- [11] В Атырау подрались рабочие из РК и Китая // ИА «BNews.kz». 29.11.2013. <http://kapital.kz/gosudarstvo/24024/v-atyrau-podralis-rabochie-iz-rk-i-kitaya.html> 29.11.2013. (Доступ 1 января 2014).

- [12] В Казахстане выявили китайских специалистов с поддельными дипломами. Все они были высокооплачиваемыми сотрудниками двух крупных компаний. Ист.: <http://news.mail.ru/inworld/kazakhstan/society/12197185/?frommail=1> (Доступ 3 марта 2013)
- [13] Цит. по: Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: Дайк-Пресс, 2003, С. 247.
- [14] По данным Комитета регистрационной службы и оказания правовой помощи Министерства юстиции РК на март 2013 г. Астана, март 2013.
- [15] См. подробнее: Садовская Е.Ю. Китайский агробизнес в сельском хозяйстве Казахстана. 2015 (в печати).
- [16] О значении оптово-розничных рынков в социальной и экономической жизни общества говорят следующие цифры. В 2012 г. в Казахстане действовало 818 торговых рынков, а это – 968 тыс. торговых мест. Как отметила вице-президент Ассоциации торговых предприятий РК, на рынках постоянно создавались новые рабочие места, на каждом торговом месте работают 5 человек – 1 арендатор, 2 продавца и 2 грузчика, т.е. один предприниматель предоставляет четыре рабочих места. Из числа людей, занимающих торговые места, 76% – женщины. Из числа всех занятых в сфере рынков 14% – люди моложе 30 лет. В общем объеме розничной торговли 46% приходится на долю рынков. Ист.: Трубачева Т. Дарига Назарбаева узнала про алматинскую барахолку. http://forbes.kz/process/businessmen/dariga_nazarbaeva_uznala_pro_almatinskuyu_baraholku 22.01.2014. (Доступ 23 января 2014)
- [17] Nye, J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs Group, 2004.
- [18] В мире уже 61 страна включает китайский язык в систему государственного образования, а число изучающих китайский по всему миру, достигло 100 млн человек, или в 4,3 раза больше, чем в 2004 г. В институтах в этот период трудились 100 тыс. специалистов-преподавателей, добровольцев и управленцев, которые подготовили 200 тыс. преподавателей китайского языка для более чем 100 стран. Ист.: Китай лидирует в мире по количеству обучающихся за рубежом. ИА Синьхуа, цит. по: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1312-news-141215> 15.12.2014. (Доступ 22 декабря 2014).
- [19] В 126 странах и регионах мира созданы 475 институтов Конфуция, ИА Синьхуа 07.12.2014. Ист.: <http://www.ifes-ras.ru/center-doc-news/1301-news-141208> 08.12.2014. (Доступ 22 декабря 2014) 08.12.2014.
- [20] <http://www.inform.kz> 23.12.2006.
- [21] ИА KAZINFORM. Цит. по: <http://www.zakon.kz/4671983-v-shankhae-den-pervogo-prezidenta-rk.html> (Доступ 1 декабря 2014).
- [22] <http://cbbs.chinadaily.com.cn/forum.php?mod=viewthread&tid=232363> (на кит. яз., перевод с китайского О.Адамс) (Доступ 14 августа 2012).
- [23] <http://www.study.uz/1/8/250/yekzamen-hsk> (Доступ 11 мая 2012).
- [24] В Алматы открылся институт Конфуция. 23.02.2009. <http://vesti.kz/foundation/4580/> (Доступ 3 марта 2009).
- [25] <http://www.kaznu.kz/ru/14355/page> (Доступ 8 июня 2014).
- [26] В 2011 году в Казахстане открылись еще два института Конфуция. 08.06.2011.

<http://vesti.kz/foundation/87663/> (Доступ 15 июня 2011).

[27] Learning Chinese to grab Chinese market: foreign youngsters.

http://news.xinhuanet.com/english/2009-08/03/content_11819969.htm 3.08.2009 (Доступ 30 августа 2012).

[28] Социологическое исследование проведено по репрезентативной выборке методом личного (*face-to-face*) интервью. Выборка: 544 интервью в 2012 г. среди городского населения Казахстана в возрасте от 15 лет и старше. Для отбора респондентов была использована стратифицированная случайная вероятностная выборка. Стратами выступали 14 областей Казахстана, сгруппированных в 5 регионов: Северный, Восточный, Южный, Западный и Центральный; г. Алматы выделен в отдельную страту. Полевые работы были проведены во всех городах в период с 17 мая по 8 июня 2012 г. Ошибка выборки не более 4,1%. Опрос проведен Агентством социальных и маркетинговых исследований «BRiF Research Group» (Алматы) в рамках авторского проекта «Современная китайская миграция в Казахстане» при поддержке Всемирного банка (Вашингтон).

[29] Казахстанские студенты участвуют в программе «Летние курсы – 2012» в Шанхае.

<http://www.inform.kz/rus/article/2481859> 25.07.2012. (Доступ 22 января 2013).

[30] <http://kitairu.net/rus/education/beijing/23/> (Доступ 22 декабря 2011). См. также: Уроки китайского языка. http://www.kitairu.net/rus/chinese/learn_chinese/ (Доступ 24 сентября 2008).

[31] Sienkiewicz J., Sadvovskaya Y., Amelina A. (2014) The Kazakh–German Social Space: Decreasing Transnational Ties and Symbolic Social Protection. (*forthcoming*).

[32] Закон РК «О миграции населения», Ист.:

http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31038298&sublink=80000, на 29.12.2014 (Доступ 16 января 2015)

[33] Данные учета Управления миграционной полиции МВД РК на 1 октября 2014 г. Астана, 5 ноября 2014 г.

[34] За период с 1991 по 1 января 2014 гг. в Казахстан прибыли и получили статус оралмана 255,3 тыс. семей, или 944,5 тыс. этнических казахов. Из общего числа оралманов большинство – 61,2% – прибыли из Узбекистана, 12,2% – из Монголии, 11,4% – из Китая, 7,3% – из Туркменистана, 4,0% – из России и 3,9% – из других стран. Наибольшее количество оралманов расселилось в Южно-Казахстанской – 21,2% (200171 человек), Алматинской – 16,3% (153706), Мангистауской – 12,9% (121590) и Жамбылской областях – 9,4% (89040 человек). Ист.: Миграционная ситуация в Республике Казахстан за 4 месяца 2014 года. <http://www.e-cis.info/page.php?id=24264> (Доступ 1 декабря 2014 г.)

[35] Перепись населения Республики Казахстан 2009 года... С. 90.

[36] Закон РК «О миграции населения», ст. 23. Ист.:

http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31038298&sublink=80000 (Доступ 16 января 2013)

[37] Согласно изменениям в законе РК «О гражданстве» от 2002 г. (получение гражданства Республики Казахстан в упрощенном (регистрационном) порядке, в соответствии со ст. 26, этнические казахи и члены их семей при въезде на территорию РК, в отличие от иностранных граждан, представителей других этнических групп, освобождаются от необходимости подтверждать свою платежеспособность, не требуется предварительного выхода из гражданства страны исхода, для них нет срока натурализации продолжительностью в пять лет, государство помогает вернувшимся по квоте этническим казахам в обеспечении жильем.

- [38] Перепись населения Республики Казахстан 2009 года... С. 90.
- [39] Социологическое исследование методом интервьюирования. Выборка – 1200 человек – этнические казахи-оралманы из Китая, Кыргызстана, России, Узбекистана, Афганистана, Ирана, Монголии, Турции и др. Опрос проведен в 2009 г. в восьми регионах наибольшей концентрации оралманов (Акмолинской, Алматинской, Атырауской, ВКО, Жамбылской, Кызылординской областях и ЮКО) и г. Алматы. Ист.: Проблема социокультурной и психологической адаптации оралманов и их вхождение в казахстанское общество./ Дом дружбы – центр по исследованию проблем межэтнических отношений. Министерство культуры Республики Казахстан. Алматы, 2009. С. 212-214.
- [40] Там же. С. 205-206.
- [41] *Хафизова К.* Трансграничные отношения Синьцзян – Казахстан / Центральная Азии и Кавказ, 2000. № 9. <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/12.Khafizov.shtml>
- [42] Непосредственное наблюдение и экспертные интервью автора с оралманами, директорами и зам. директоров школ в поселках Восточно-Казахстанской области, октябрь 2010; май 2011.
- [43] Проблема социокультурной и психологической адаптации оралманов и их вхождение в казахстанское общество./ Дом дружбы – центр по исследованию проблем межэтнических отношений. Министерство культуры Республики Казахстан. Алматы, 2009. С. 222-224
- [44] Там же. С. 207, 239.